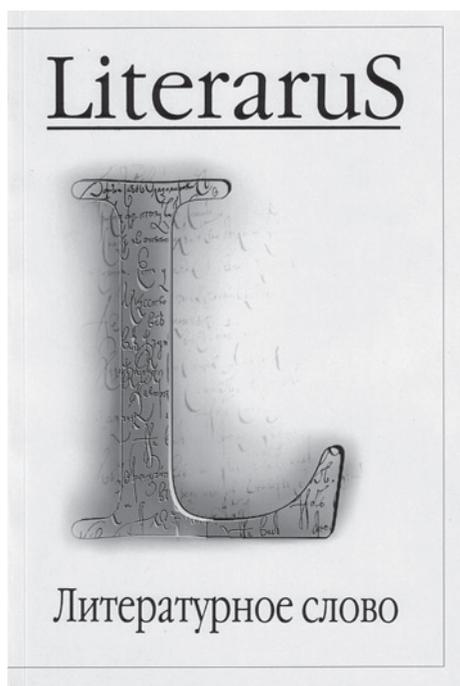

Русская пресса

«LiteraruS — Литературное слово» — историко-культурный и литературный журнал на русском языке (Финляндия), выходит 4 раза в год; журнал видит своей задачей сохранение русской культуры в иной языковой среде, публикует авторов, пишущих по-русски в Финляндии и других странах; сотрудничает с литературными журналами России; в то же время журнал знакомит своих читателей с финской культурой, историей; печатает переводы современных финских авторов

Наша цель — объединить всех, кто может выразить себя по-русски

На вопросы нашему альманаху отвечает писатель, издатель и главный редактор журнала «LiteraruS» Людмила Коль

— Людмила, пожалуйста, несколько слов о себе.

— Я родилась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова и до переезда в Финляндию в 1993 г. преподавала на отделении «Русский как иностранный» филологического факультета МГУ. Моя писательская биография началась в Финляндии. Эту страну я определяю, прежде всего, как страну, где много света и энергии. Наверное, эта скрытая энергия переселяется в души людей, потому что именно здесь я написала 9 небольших книг прозы, одна из которых переведена на финский язык; опубликовала много повестей, рассказов, эссе, очерков, статей не только в русской зарубежной периодике, но и во многих российских журналах. Ста-ла членом Союза писателей.

Но судьба часто делает неожиданные повороты. С 2003 г. я начала издавать в Хельсинки историко-культурный и литературный журнал «LiteraruS — Литературное слово».

— *Несмотря на то что «LiteraruS» не так давно появился на рынке печатной продукции, он уже играет значительную роль в культурной жизни «русскоговорящей Скандинавии». Журнал получают не только крупные библиотеки Финляндии и России, но и представители различных русских диаспор, в том числе в Дании, Швеции и Норвегии. Несколько слов о вашем журнале, пожалуйста.*

— Это издание некоммерческое. Его цель — культура, история, литература. С самого начала мне хотелось собрать вокруг журнала лучших авторов, которые живут в Финляндии. Думаю, что нам это неплохо удастся сейчас. Мы печатаем прозу, стихи, статьи и русских авторов, и финнов, которые могут выразить себя по-русски, а также переводы финских авторов на русский язык.

На мой взгляд, несмотря на то что журнал выходит всего 4 раза в год, он успеваёт откликнуться на многие культурные события. Конечно, мы печатаем материалы выборочно — формат журнала всего 108 страниц, — но замечаем и выход новых книг, и литературные конференции, и ежегодные конгрессы ВАРП, и интеллектуальную жизнь русской диаспоры, и многое другое.

— *Расскажите, пожалуйста, немного о географии ваших авторов.*

— У нас есть авторы из Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Франции, США и, конечно, России. Мы стараемся сотрудничать со многими толстыми литературными журналами, не отрываться от российских писателей. В какой бы стране ни жил автор, но, если он пишет на русском языке, значит, он принадлежит русской культуре. Поэтому мы должны быть все вместе.

— *В чем Вы видите перспективы развития журнала «LiteraruS»?*

— Приятно, что наш журнал знают все больше и больше. Он уже включен в учебную программу на факультете журналистики МГУ. С 2008 г. его начали выписывать Колумбийский и Стэнфордский университеты. Мы надеемся на дальнейшее продвижение журнала. Тем более что, как нам сказали, он всегда востребован в московской Библиотеке-фонде «Русское зарубежье». Недавно у нас прошел конкурс «Литературное слово» для авторов Дальнего зарубежья. Нам прислали работы из 12 стран. Думаем продолжить эту традицию и в будущем.

Мы стараемся издавать произведения авторов, которые живут в Финляндии. К пятилетию журнала, которое мы празднуем в марте, подготовлен к печати сборник трех молодых поэтесс «Структура сна», он выходит в петербургском издательстве «Алетейя».

Предлагаю вашим читателям подборку стихов и прозаических миниатюр из этого сборника, а также три своих небольших рассказа, которые войдут в мою новую книгу.

ПОЛИНА КОПЫЛОВА

родилась в Санкт-Петербурге, с 2002 г. проживает в Хельсинки,
 автор фантастического романа «Летописи святых земель»,
 постоянный автор журнала «LiteraruS»

* * *

Подворотен гогот и ор, горячий
 гром решеток —
 в городе праздный вечер
 пятницы
 шаром кегельным горожан сбивает
 в кабаки и *клубы* с аллей и улиц,
 пьяны — все
 кто чем может: наспех выпитым дома
 перед выходом;
 новой едва-знакомой;
 сквозняком;
 теплой вонью урины,
 текущей прямо
 поперек тротуара;
 своим подобием;
 в горле ком-
 ариное счастье
 толпотворения
 вместе с прочими
 в горькой волне
 городского моря,
 сводящей очерк
 допотопной суши
 на нет.

* * *

Слова слоются солнечной листвой,
 смолистым светом со ствола сплывая.
 Бронзовой мушкой,
 мошкой палевой
 прильнуть, приникнуть — уживая
 всю жизнь в один-единый длинный день.
 А ночь — пробита наскоро полетом,
 как тень, как дым...
 Янтарь каких твердынь
 горит над осыхающим болотом?

ТАТЬЯНА ПЕРЦЕВА

родилась в Петрозаводске, проживает в Финляндии с 1999 г., лауреат журнала «Дети РА», имеет публикации в других журналах (Россия, Эстония) и поэтических сборниках, ведущая молодежной рубрики «Студия — Litera» журнала «LiteraruS»

Сценарий сна

Однажды ей приснился сон.

Небо свинцовым туманом вползало в море. Сваи пробивали настил, как пики, и летели в небо, а она бежала. Бежала и падала. Но потом снова поднималась. Дощатый настил был скользким. Несмотря на страх и боль, она бежала к солнцу, потому что знала, что за серыми тенями туч ее ждет танец.

Мужчина и женщина скользили по водной глади. Крепкие мужские руки сжимали женскую фигурку. Окольцованные белыми манжетами, на которых багрились рубиновые запонки, они впивались в оголенное плечо и сжимали талию, как будто таким образом хотели удержать хрупкость. Камни пульсировали в такт неслышной музыке и казались фальшивыми, прижимаясь к тяжелому, скользкому шелку.

Рубины хотели вобрать в себя силу платья, а оно, надменное, не сдавалось и горело пятном кровавого цвета на серой воде. Из ран на запястьях мужчины сочилась багровая краска. Ткань впитывала ее и трепетала, как последний вздох мученика, рвущийся ввысь.

Длинное вечернее платье с открытой спиной и дерзким, разрезанным по бокам подолом, две половины которого трепетали на ветру, как крылья сильной раненой птицы. Танцующий шелк думал только о небе, которое на самом-то деле давно уже было дряблым и старым.

Но два человека были свободны!

Она знала это и поэтому плакала от счастья, прижавшись мокрой щекой к высокой свае серого деревянного моста. Ей стало понятно, что когда-нибудь потом она, как и многие другие, попробует рассказать об этом.

1.

Стас пытался проснуться, хватая ртом спекшийся воздух ночной комнаты. Затылок отчаянно ломило.

— Ее не было! Не было! Не было!

Боль ударила в голову и поплыла красными комьями. Встав с постели, он, пошатываясь, побрел в комнатку, совмещающую зал и кухню. Стас взял со стола недопитую бутылку водки и налил полстакана. Потом залпом выпил и вышел на балкон. Курить.

«Солнце запутывалось в ее волосах, глаза сияли, руки летали, словно две птицы. Словно птицы».

Мужчина посмотрел вниз с балкона и увидел одинокий глаз фонаря. Нестерпимо захотелось упасть в пустоту, неважно чего: пустой кровати, пустой квартиры, пустой улицы. Сигарета светлячком спикировала в сумеречную августовскую ночь. Почему-то пахло яблоками. Он достал из кармана телефон и набрал номер Машки:

— Приезжай.

2.

«Дождь.

Кап-кап-кап. Ты придешь. Сам-сам-сам», — Машка считала кубики, треугольники, шары на ковре и ждала звонка. А Стас не звонил.

Она ненавидела ее, и он это знал.

Увидев его руки с кровавыми резаными ранами, она закричала:

— Я ненавижу ее!

Он осторожно взял в ладони ее лицо и поцеловал мокрые, горькие от туши глаза:

— Пойдем спать.

От его слов у Машки задрожали коленки и моментально высохли пьяные слезы.

Она знала, что никто не заменит ему ту, из снов. Он хранил память о ней, как обреченные на казнь хранят молитву на потрескавшихся губах, он дышал прошлым, в котором была только она. Машка любила Стаса. Может быть, только за то, что она никогда не станет той, которая, словно играючи, заставляет помнить о себе лишь потому, что уходит.

И не возвращается.

3.

Оконные жалюзи исполосатили их тела.

— Ты — жираф, — сказала она.

— У жирафа пятна, а не полоски. Я больше похож на дорожку для пешеходов. Хочешь по мне походить?

Маленькая ножка немедленно отправилась путешествовать по его спине.

— Я устала ходить по дорожкам. Даже пешеходным. А еще я хочу жирафа и фиолетового слона, но ты будешь ежиком.

Лицо мужчины вытянулось, а женщина захохотала.

Они были вместе.

4.

— Привет.

— Привет.

— У меня вопрос.

— Спрашивай.

— Почему что-то всегда за что-то, а просто так ничего не бывает?

— Это — закон природы.

- Да ну...
- Еще глупые вопросы будут?
- Это не закон природы. Это правило. А какие тогда вопросы не глупые? Те, которые без ответов?
- Ты — умная девочка.
- Как бы стать душой?
- Прости, но это тебе не дано.
- Всю жизнь мучиться?
- Ты спрашивать или плакаться пришла?
- Да я не плачу! У меня солнце и новая прическа!
- Значит, сегодня твой день...

5.

Женщина сидела у стола и выковыривала из своего лица улиток. А из ушей вытаскивала длинные, серые, живые нити. Они извивались на столе. «Наверное, нити — это мамины неприятности, а улитки — это злые слова, которые кто-то кидал ей в лицо», — думала девочка, сидящая рядом. Ей было три года.

- Хочешь, я расскажу тебе сказку?
- Да.

6.

Была весна. И было небо. Все были счастливы, молоды и красивы. До сих пор весна. И небо. Только кого-то с тобой уже нет. И не будет.

Аня иногда умирала. Первый раз в детстве, когда температура была сорок два градуса и бледный врач говорил маме о немедленной госпитализации. А она помнит, что стена была близко-близко и узорчики на обоях становились выпуклыми, приближались к ее глазам, а потом худели и убегали в стену. «К маме пошли, детям надо есть», — думала девочка.

Во второй раз она поспорила с мальчишками, что прыгнет в порог, бурлящий летом на речке в деревне. И прыгнула, стукнувшись головой о подводный камень. Течение вынесло ее на островок, где она и очнулась.

В третий раз она чуть не разбилась, когда ехала на машине.

Ей просто везло.

Всегда везло.

Тело вырвало из-под легкой простыни, рот беззвучно хватал воздух, кричать она не могла.

«Опять», — подумала Анна.

Рядом спал кто-то родной и полосатый.

Только теперь, сквозь жалюзи, на его тело лилась луна, а не солнце.

7.

- Ты опять плакала во сне.
- Мне что-то снилось.
- Что?
- Я не помню. Опять ничего не помню.

— Девочка Бога, Бог и Девочка. Мне страшно за тебя. Ты хрупкая.

Их ресницы встретились.

— А я не боюсь. Буду летать и падать, верить и любить, умирать и рождаться, потому что вся наша жизнь — это сценарий, который мне уже снился.

— Не думай об этом, — сказал мужчина и нежно погладил по голове любимую женщину.

Как маленькую девочку, в волосах которой запуталось солнце.

Струна ангела

Они сидели на круглой зеленой крыше и смотрели на залив.

— Почему люди такие злые?

— Они не злые, просто мы — другие.

— Меня упекут в психушку! Это ты довел меня, что за бред я постоянно несу?

— Успокойся. У тебя уже не болят лопатки?

— Нет, не болят. У меня болит голова.

— Прими глицин и ложись спать. Я отнесу тебя.

— Я не хочу спать! Объясни, почему мне так плохо?

— Потому что ты злишься.

— Значит, я — не ангел. Ангелы не умеют злиться.

— Все мы когда-нибудь злимся, радуемся и делаем друг другу больно.

— А ты — настоящий или я вижу сон?

— Тебе это так важно?

— Да, важно. Ты мне нравишься, ангел. Ты — спокойный и сильный.

— Хочешь, я научу тебя видеть ангела в любом человеке?

— А зачем мне это?

— Ты будешь искать мелодию сердца.

— А что я должна делать?

— Ничего. Если человек тебе нравится, то обними его.

— Просто обнять?

— Да.

— А что потом?

— А потом ты сама все поймешь. Только помни, человек должен нравиться тебе по-настоящему.

Прошло много лет. Однажды она встретила его. Он изменился, но ничуть не постарел, потому что ангелы не стареют. Они обнялись, как старые друзья, и все закончилось. Мелодии сердца не хватало струны.

Струны Ангела.

АННА АНОХИНА

родилась в Санкт-Петербурге, в настоящее время живет в Финляндии, имеет публикации в различных периодических изданиях и литературных альманахах России, Финляндии, США, Норвегии, постоянный автор журнала «LiteraruS» со дня его основания

Маме

Ты назвала меня двусложно,
 Две буквы дважды обыграв,
 Надеюсь — буду осторожной
 Я в жизни, ладной и надежной,
 На двух ногах
 Держась уверенно и прочно.
 И кто же знал,
 Что выйду мороком морочным,
 Как интеграл
 Двойной, как мутное болото, —
 Теперь хоть плачь —
 Как талисман (другим забота)
 От всех удач.
 Живу я так, как и спешила
 На этот свет —
 Ежеминутно через силу.
 Улыбки след —
 Растерянная обнаженность
 Моих клыков.
 Мой идеал с рожденья — сложность.
 Сложенъе слов
 Как неизбежность. Многогранна
 Ее печать.
 Я горе или радость? — Анна.
 Я благодать.

Питер

Место рождения — Ленинград

А захочешь понять — то, как я, его полюби.
 Полюби его древним, в этой густой пыли,
 В сером фраке ветхости, спрятавшемся под смог,
 За разбитость стекол, за грубость его дорог.
 Посмотришь в колодцы его и, не видя дна,
 Прислонившись взглядом в узкий прорез окна,

Натолкнись на близость оконных чужих глазниц.
 Потони в туманах, низвергнутых с неба ниц,
 В восстающих реках, не знавших своих глубин,
 В беспощадных «нордах». Останься с ним на один
 На горбах мостов, перерезанных пополам.
 Прикоснись руками к шербатым гранитным львам,
 К водосточным трубам. И по завиткам оград
 Пробегишь по вечности и возвратись назад.
 С молоком впитав подворотен угрюмых страх,
 Заплутай, укройся в его проходных дворах,
 Где он каждым камнем помнит войну и смерть.
 Посмотришь в него. Разрешись себе заболеть.
 Поперхнувшись кашлем, на шпиль нанизав тоску,
 Познавай шагами, испей его по глотку.
 Выдыхая горечью, чтобы потом предать:
 Откупившись песнями наскоро, уезжать,
 Надышавшись насмерть. Осмелившись попросить
 Быть не с ним отныне и так же его любить.
 Полюби в неоне, в обрывках его афиш,
 В позолоте, роскоши, ржавой оплетке крыш.
 Различи, как стонет он в шумном разгаре дня,
 Полюби его так же, полюби его так, как я.

* * *

Серый Питер промок и вылинял,
 Подворотнями мрачно скалится,
 Пылью пудрит и ухмыляется:
 На кого ты меня выменяла?
 Бескаблучная, безрукавная,
 Подставляя себя под изморось,
 Куба, Куба я, лето жаркое,
 Лето жадное, на-ка, выкуси!
 Ну и что, что тащилась с севера, —
 Тянет голодом в эти улицы,
 И тебе до того сиренево,
 Что я тонкая, что я умница,
 Что я смогом насквозь пропитана,
 Что мне в плазму Нева поселена,
 Что тоски у меня немерено,
 Что пока не до дыр зачитана.
 Тромбы выбоин, окна с прищуром.
 Отпусти меня! Не раскатысь...
 Раз в сезон возвращаюсь. Пришлая.
 А иначе не получается.

Эмиграция

Анкеты, виза, вызов, регистрация,
Из Питера прихвачена простуда, —
Так начиналось слово «эмиграция»,
И значило, что я теперь оттуда.
И значило — учиться побеждать,
Ломать язык дифтонгами чужими,
Сквозь северную землю прорасти
Корнями дальне-тюркскими своими.
Их праздники приплюсовав к своим,
Из хрусталя пить водку без закуски.
Похмелье утром убирать под грим
И оставаться безупречно русской.
Осесть душой в нейтральной полосе,
Носить чулки, не брезговать ругаться,
Раз в месяц ностальгировать, как все,
Кто все-таки решил, как я, остаться.
Остаться чуждой, с вызовом в глазах,
И быть до неприличья откровенной.
Анкеты, вызов, виза, перемены...
Сосновыми иголками во мхах
Теряют цвет мои воспоминанья,
Оттачивая колкость, — их касанье
Болезненно и вызывает страх.
И способа не знаю защититься.
Я тихо разрываюсь пополам.
Река Сестра, мои родные лица
И молчаливое: «Зачем ты там?»

ЛЮДМИЛА КОЛЬ

родилась в Москве, проживает в Финляндии с 1993 года,
 член Союза писателей России,
 главный редактор журнала «LiteraruS — Литературное слово»

Задрыга

Лидка была маленькая и жопастькая — то, что мужики больше всего в женщинах любят. Она это усвоила с детства и твердо решила товар не продешевить, и если уж выходить замуж, то подцепить иностранца на зависть всем девкам в их доме. А жила Лидка в обшарпанной полуразвалюхе на окраине Питера, куда проще всего добираться на электричке. В каждой квартире было понатыкано видимо-невидимо жильцов — с детьми и без детей, старух и молодых чухих, которые ошивались у фарцы. Дом пропах щами, газом и влажным бельем. В подъезд ныряли, как в дыру, полы скрипели, а из-за неплотно закрывающихся дверей доносилась чужая жизнь.

Надоело Лидке все на свете. Грязная, вонючая их коммуналка надоела, родительская грызня, особенно когда отец пьяный приходил, — а по-другому разве бывало? Тогда от криков хотелось бежать и бежать, сестра младшая Надька надоела с ее нытьем бесконечным и путаньем под ногами: куда Лидка, туда и она. По-своему Лидка ее, конечно, любила и сопли ей вытирала, когда текли двумя зеленоватыми струйками прямо в рот. Но про себя тяжело вздыхала и губы складывала в узкую полосочку.

Вот и намылилась она в субботу и воскресенье в Питер в центр ездить и вертеться среди тургрупп, благо их было хоть отбавляй — размагничиваться приезжали на субботу и воскресенье иностранцы. Но тут тоже с умом надо — не просто за кого попало цепляться, а чтобы сразу верняк.

Лидка долго высматривала, приценивалась и выбрала наконец. Славный такой мальчишечка: глазки голубые, волосы светленьким хохолком — по своим возможностям выбрала. Сознавала, что на нее, задрыгу, миллионера не найдется. А такому много не требуется: ласково посмотришь, он и тает. Они там, за границей, слышала Лидка, бабами не избалованы. Там бабы их в ежак держат, чуть что — прощай, дорогой! Поэтому *ее*, Лидку, ценил и любил.

Окрутила она его очень просто — на теплоходе, которые летом с утра до вечера по каналам туристов возят на дворцы поглядеть. Подседа с мороженым во время такой прогулки вроде как случайно. Солнце, вода, счастье у всех на лицах, ветерок лишние мысли из головы выдувает. Она глазками стрельнула, улыбнулась, он подмигнул, она прыснула в сторону. Потом говорить стали одними существительными: он по-русски, она по-английски, что на уроках в школе когда-то усвоила. Потом гуляли вместе, в ресторан он

ее затащил на Невском, потом у него были. Утром он уже не помнил ничего, зато Лидка сразу поставила вопрос. Он и сдался.

В общем, Лидка за границу уехала, быстренько оформив документы, распрощалась со всем своим прошлым.

Мотя ее, как она его называла, на какой-то не то фабрике, не то фирме работал рабочим: грузы носил и на машине развозил по клиентам. Квартиру им тоже фирма пока выделила маленькую трехкомнатную: шаг из кухни — и в комнате, шаг из комнаты — и на улице, на них троих, потому что Лидка сразу завела ребенка, чтобы пособие получать — сообразила вовремя. Да и Мотя сказал с порога: «Устраивайся с деньгами, чтобы себя обеспечивать».

Квартирку она вычистила, вымыла, постелила половички домотканые, как у бабушки в деревне видела, а тут в супермаркете купила, цветочки завела, и стало очень даже прилично и уютно. С улицы посмотришь на их окна — все как у других, и на Рождество огоньки светятся гирляндочками и звезда на одном окошке горит.

Язык Лидка тоже быстренько похватила, хотя пока слово выговоришь, во рту все перекосячится. Но язык — первое дело, это она поняла. Без него никуда. За три года, что с ребенком сидела, успела присмотреться, притереться, с другими мамашами около песочницы на все темы переговорить. Но с работой плохо было, и специальности у нее никакой, на курсы нужно было устраиваться. Поэтому подрабатывала пока, когда можно, в детсаду нянечкой — милое дело, привычное с детства. И Катька при ней.

Мотя работающий был, как все они за границей, но получкой распоряжался сам. Лидка что-то против стала, руки в боки, говорить, но он все это в сторону отвел и настоял, как у них там положено — каждому свое. Поэтому Лидка никогда не знала, что у Моти на счету делается.

Соблазну за границей много было. Хоть Лидка к экономии привыкла, все равно не хватало, и Лидкины деньги сразу таяли. Там у них, в Питере, все просто было: главное яркую тряпку иметь, чтобы в глаза ударило! А тут не это нужно было: костюмы спортивные с едва заметным ярлычком: «Lacosta», обувь добротная, а не дрянь дешевая. Тут у них «качество» было главное, и это «качество» сразу было видно, и за него нужно было платить. Платить вообще надо было за все, за что Лидка раньше никогда не платила.

Обстановку они так и не купили пока — цены не позволяли, да и Мотя этим не был озабочен: считал, что первое дело — свой дом, на который надо скопить всеми силами, прирабатывая везде и всегда, даже в выходные. Поэтому взяли в «сэкондхэнд». Опять Лидка все почистила, протерла, пропылесосила. Издали посмотришь — вроде новая. Правда, запах чужой оставался, и от него никак не избавишься. Лидку прямо тошнило. Мотю она уговорила «колеса» по дешевке купить, чтобы ездить удобно было, летом особенно: «Ты-то на работе ездешь неделю, а в выходные как?» Летом все разъезжались по дачам да по заграницам. А Лидке деться было некуда, домой тоже не тянуло. Вот и отправлялись они загорать по воскресеньям на озеро. Лежали в кусточках, а Катька в песке возилась. Вечерами Мотя тянул свое пиво. «И чего хорошего в этой гадости? — отворачивалась Лидка. — Почему все в этой чертовой загранице его тянут?» Мотя, похоже, без этой «гадости»

жить не мог, и телевизора с газетой не надо было. «С чего они так быстро пьянеют? — опять недоумевала Лидка. — Нашему мужику ведро поставь — и он все свежак, а эти чуть клюкнут — и готово!»

Иногда бывали и стычки: Мотя вдруг раздражался и говорил Лидке что-нибудь грубое, но она спуску не давала и огрызалась. Особенно это случилось, когда деньги перед зарплатой подходили к концу и с пивом надо было завязывать. Конечно, в банке деньги были всегда, но Мотя из лимита не выходил. Поэтому в такие дни — «плохие дни» называла их Лидка — настроение у него портилось, он открывал Лидкин шкаф, находил какую-нибудь новую тряпку, которую она недавно прикупила по случаю, вышвыривал ее оттуда и орал, что она транжирит его деньги. Лидка стала тряпки припрятывать и надевать их только в его отсутствие. А денежки, которые ей попадали, потихоньку откладывала — поняла, что сидит на вулкане.

Тут вдруг родственники собрались на Мотин юбилей — тридцать лет ему исполнилось. Понаехали со всех концов человек сорок: братья разные с детьми и без детей, с женами и без, сестры, дядья и тетки, дружки с подружками. Лидка печь не умела и Мотю разносолами не баловала, да и не наготовишь на всю ораву, поэтому решили еду по такому случаю заказать. Все им привезли, красиво упакованное, украшенное зеленью, мандариновыми дольками и виноградинками. Мотя так обрадовался этой гопкомпани, что пиво ящиками таскал и водки ихней накупил, чтобы всем по полной выпить. Пили почти всю ночь, орали песни чуть ли не до утра, за что заранее извинились перед соседями письменно. Кто потом уехал, другие напились в забуды, на Лидку поглядывали маслено. Наконец спать улеглись на полу, расстелив спальные мешки.

Лидка переступала через них, убирая остатки еды, бумажные тарелки и стаканы. Кто-то туалет облевать успел. Она его вымыла, грязь всю сгребла в пластиковые пакеты, а спать не пошла: сивухой несло так, что спичка загорится.

Она сошла вниз и села на лавочку перед окнами. Там днем старухи сидели всегда, совсем как у них в Питере. Светло было, потому что лето в самом разгаре стояло. Тишина вокруг, от кустов тянуло запахами приятными. Лидка глубоко вдыхала их, сложив руки на коленках, окошки разглядывала. И вдруг ее домой потянуло. С чего это? Не вспоминала она свой дом никогда — противно было, да и родители уже переехали с тех пор на новое место. А тут вдруг накатило: двор, может, напомнил... Здесь у них цветочки везде, травка, красиво все, а у них пыль столбом стояла, когда мальчишки в футбол гоняли... Старухи под домом на лавочке придирчиво оглядывали с ног до головы каждую шмару. Чего им надо было?... Коляски в рядок стояли. Малышня на куче песка сидела, перелопачивала. Мужики в домино резались до ночи... Теперь уже не режутся, конечно... Мат-перемат...

Утром Лидка пошла за билетами себе и Катьке. А через два дня уже сидела в поезде, который шел в Россию.

Катька, забравшись с ногами на сиденье и приплюснув нос к стеклу, задавала вопросы, а Лидка смотрела на пробежавшие мимо домики с веселыми садиками, цветами в корзиночках, яркими зонтами от солнца, расставлен-

ными садовыми столиками и скамейками и машинально отвечала что-то явно невпопад, потому что Катька все время теребила и переспрашивала:

— Мам, что ты сказала сейчас, я не понимаю!

«Говно это все, — подумала вдруг Лидка. — Красиво только снаружи, а внутри — все то же самое, что у нас...»

На первой же пограничной станции, где проверяли паспорта и багаж, их встретили бездомные кошки, собравшиеся кучкой и жадно жевавшие объедки, которые кто-то из сердобольных пассажиров разложил специально для них на бумажном пакете.

— Они уже расписание изучили, — шутили проводники, — к каждому поезду выходят.

Поезд долго стоял. Лидка пока вышла на перрон, приказав Катьке сидеть тихо и ждать, любопытно толкнулась в вокзал. Он ухнул огромной дверью и встретил неприятной пустотой. И только в углу светилось окошко сувенирного киоска: матрешки, фигурки из стекла, берестяные коробочки, цветастые платки — обычный хлам. Она потолкалась по грязному, холодному залу и пошла обратно.

Наконец поезд тронулся, и сразу началась неухоженная земля, свалки из старых железяк, пошли завалившиеся сараи, сломанные деревья, помойки, облупившиеся дома — все то, что окружало ее в детстве. Мелькнул палаточный лагерь: сверху были наброшены одеяла, рваная одежда, сохло развешенное на деревьях белье. Бомжи? Цыгане? Беженцы? Лидка смотрела на это, и внутри у нее что-то сжималось.

Катька показывала пальцем в окно:

— Почему они на улице спят?

— Нет, поживем у бабушки недельку, — не отвечая ей, а как бы размышляя вслух, сказала Лидка, — и потом опять туда, правда? Там хоть этого не увидишь! И тетю Надю возьмем с собой, да? Замуж выдадим...

И, притянув Катьку к себе, стала шептать ей на ухо что-то ласковое.

Зинин жасмин

Зина была соседкой.

Она жила этажом выше, и ее сын Сашка часто приходил играть к моему сыну, потому что во дворе все мальчишки знали, что у Гарика «здоровские игрушки».

Зина целый день лежала на диване, а если двигалась по квартире, то только боком, потому что была необъятных размеров и в дверь иначе не проходила.

Сашка прибежал из школы домой, шел в кухню, локтем отодвигал в сторону грязную посуду на столе, освобождая место для тарелки, ел и, сказав: «Я пошел, мам», — убежал.

— Смотри, недолго! — посылая вдогонку Зина, продолжая лежать и смотреть телевизор или разговаривать по телефону.

Сестра Сашки Ада была намного старше его и уже работала, а младший брат Левка ходил в детский сад.

Собирались все вместе только вечером, когда муж Зины возвращался домой. Он готовил ужин в кухне, а Зина что-то кричала из комнаты, видимо, давая указания. Все носились с тарелками из кухни к телевизору и обратно, оставляли на полу крошки.

Иногда Зина чистила картошку, глядя все в тот же телевизор, а Ада приносила воду и уносила очистки. Сашка мешался у нее под ногами, и между ними часто возникали перепалки. Ада кричала на Сашку и давала ему подзатыльники. Сашка жаловался отцу, и тот кричал на Аду.

Ночью Левка, насмотревшись телевизора и наслушавшись криков взрослых, не мог заснуть, и сверху доносилось, как отец и старший брат старались его успокоить, а он вскакивал с кровати и все время порывался куда-то бежать.

Когда я приходила, Зина тут же посылала Сашку на кухню за чем-нибудь вкусным.

— Вчера испекла, попробуйте!

Она рассказывала мне всегда одну и ту же историю про свою старшую сестру, которая рано умерла, но успела написать несколько книг. Сама Зина окончила только десять классов и курсы кройки и шитья, но шить, по-моему, не умела.

От сестры она переходила на мужа и рассказывала о том, как они познакомились.

— Новый год был. Все, конечно, напильсь, ну, и потом разбились на пары и пошли в разные комнаты. А мой Миша ничего *этого* мне не предлагал. И я решила, что, раз он такой скромный, значит стоящий.

Я, выслушивая эту историю еще раз и глядя на расплывшееся бесформенной глыбой тело, думала, знает ли вообще Зина, прожив с Мишей двадцать лет и нарожав троих детей, что такое *это*.

Миша, маленького роста, худенький, щуплый и невзрачный, бывал дома только поздно вечером. В выходные его вовсе не бывало, и у меня иногда возникали на этот счет всякие мысли.

— Папа любит работать, — говорила Ада.

Может быть, так это и было. Но, как мне казалось, денег у Зины не прибавлялось. Правда, когда мне самой не хватало до конца месяца, я знала, что могла занять только у нее. Она лезла в шкаф, доставала пачку денег, пересчитывала и говорила:

— Миша мне оставил на хозяйство, но я сэкономлю немного.

Она даже расстраивалась, когда не могла чего-нибудь дать.

— Подождите, поищу получше!

Жили они очень скромно, ничего лишнего себе не позволяли ни в одежде, ни в питании. В квартире стояла простая мебель, с которой никто никогда не стирал пыль.

— Вот переедем на новую квартиру, — говорила Зина, — я наведу порядок. Куплю всю новую мебель. У Саши будет отдельная комната, а то ему и спать негде сейчас. И у меня тогда тоже будет спальня!

Зина мечтала о новой квартире и уже несколько лет стояла на очереди на улучшение жилплощади. А квартиру все не давали. И как-то раз она сказала мне расстроено:

— Отказали нам. Говорят, у нас больше нормы. А норма — только пять метров на человека...

— Подождите, Зина, как же это — больше нормы? — начала я считать. — Ведь вас же пять человек...

— А Ада-то выросла уже, взрослая. Считается, что у меня двое детей...

Зине так хотелось выбраться из их тесноты, что она решила родить еще одного ребенка, чтобы была «норма». Но у нее что-то не получилось, и они так и не переехали.

Однажды Сашка сказал моему сыну по секрету, что он изучает иврит, чтобы знать язык своих предков. А через некоторое время, когда я зашла к Зине, она сообщила мне, тоже по секрету, что они собрались уезжать.

— Зачем, Зина? — стала я ее отговаривать. — В таком возрасте трудно привыкать к новому. Вы ведь не знаете, что вас там ждет и где вы будете жить. И язык чужой.

— Нет, — сказала она грустно, — там, я думаю, хуже не будет. Здесь страшно оставаться. В доме «Память» живет. Они собираются, листовки развешивают. А если придут когда-нибудь? Вас это не касается, поэтому вы ничего не знаете. Говорят, списки составляют на всех евреев... За детей страшно. Мне-то уже все равно, а им нужно лучше жить...

Я все-таки пыталась ее разубедить.

— Нет, все! Мы уже твердо решили. Миша нашел родственников, они обещали помочь. Едем — и все!

И у нас потекла своя жизнь, у них — своя, уже другая.

Они стали потихоньку все распродавать, к ним приходили какие-то люди. Иногда поздно вечером было слышно, как наверху что-то передвигали, видимо, запаковывали, шумели голоса. Я поднимала глаза на ходивший ходуном потолок, вздыхала и думала: «Скоро это кончится: уедут».

Как-то я встретила Зину на улице незадолго до ее отъезда.

— Что же вы не заходите? — спросила она.

Я стала оправдываться тем, что получила садовый участок и нужно сажать, удобрять, строить. Через два дня вечером она позвонила мне и сказала:

— Миша привез вам с дачи корень жасмина. Зайдите — возьмите. Посадите у себя на участке — и сразу будет большой куст.

Корень был огромный.

Мы отвезли его на дачу и посадили. Но на следующий год он никак не хотел расти, и вылезли какие-то чахлые листочки.

— Ничего из него не выйдет, — сказала я мужу. — Ерунду какую-то Зина дала. Лучше я куплю другой. — И бросила корень под забор.

— Не нужно выбрасывать. Попробуем посадить в другое место, — сказал муж, принес корень обратно, посадил рядом с домом и стал терпеливо поливать.

Но жасмин не рос и, казалось, совсем зачах.

На следующий год снова была весна, и когда я приехала на свой участок, то с удивлением обнаружила, что на старых ветках жасмина появились огромные почки. Потом почки раскрылись, и из них вышли сочные, красивые зеленые листья.

— Смотри! Зинин жасмин пошел! — показала я мужу на куст.

— Ну вот, а ты хотела выбросить!

А еще через год жасмин покрылся белыми нежными цветами и стал похож на снежный ком.

Зина уже уехала. И в ее бывшей квартире раздаются уже другие звуки. А жасмин давно перерос первый этаж и в июле весь осыпан белыми крупными цветами.

— Ну и жасмин у тебя! — восхищаются соседи.

Я подхожу, наклоняю ветку, совсем как в сентиментальных рассказах, вдыхаю тонкий, чуть сладковатый запах и говорю мужу:

— Зинин жасмин!..

И добавляю:

— Хорошая была женщина! Жаль, что уехала...

И это чистая правда.

Только двое детей

Ромми — семилетний мальчик, худенький и живой. Кристи — два года. Светлые волосики тугими кольцами обрамляют нежное личико. Он еще не говорит, а огромные голубые глаза удивленно распахнуты навстречу миру. Они едут с мамой на поезде к бабушке в Россию.

— Помахали папе? — говорит мама. — Ну, вот. А мы сейчас — тю-тю! Забудь, Ромик, папу на месяц! Теперь ты — русский...

— Смотрите в окно! Дом какой красивый! О-го-го!... Видите, самолет летит? Игрушечный? Такой же «игрушечный», как наш поезд!.. А вон спортсмен бежит! Хорошо смотрится в своем костюме на этом фоне...

— Алло, Кристи! Видишь — колеса? О-го-го!

— Ромми, не носись как угорелый! Давай запомни, мать моя женщина: ты у меня уже человек!..

— Кристи, не играй дверью! Иди сюда, я тебе лучше кефир дам!..

— Поезд стоит. Снег идет. А ты пьешь кефир... Это — поезд... Поезд, понимаешь? Юна!..¹⁾ Ешь, а то высажу! Вот полиция придет и тебя заберет!.. Какого черта ты сидишь, а не ешь?! Ешь! Ешь кефир! Ешь! Смотри, как мало ты съел... Какого черта ты не ешь здесь, а в кафе только? Ты у меня на шее сидишь!..

— Ромми, ты меня сейчас выведешь! Я же сказала, что ты у меня сейчас получишь!..

— Граница, видите? Что такое граница? Разные страны надо же как-то отделить... Как — зачем? Не задавай глупых вопросов! Лучше в окно смотри!..

1) Юна (juna — финск.) — поезд.

— Алло, Кристи! Ты где? Что у тебя на голове? Ты где был? Ромик, смотри за ним! А то придут скоро и скажут: где мои дети? А их у меня только двое...

— Смотрите: идут! Гестапо! Спросят сейчас: старший — где? Что я скажу? Сидите тихо!..

— Кристи! Где Кристи? Куда он делся? Ромик, ты его не видел? Вот его тапочки! Кристи! А ну сюда! Давай, давай, давай, поближе к коллективу!..

— Не играй дверью! Кристи, я тебе дам по шее!..

— Поезд пошел, да... Сейчас коробка сверху упадет, по башке даст, будешь знать тогда!..

— Ну, железо это, ну... Что еще?! Отстань! Деревня какая-то... Откуда я знаю, я что — там была? Лучше смотри, смотри, какой автобус! Какой — «наш»? «Наш» там остался... Это — русский автобус. А, ну да, вы же теперь русские...

— Кристи, ты почему лезешь под диван? Ромик, вытащи его оттуда! Иди лучше с девочкой поиграй! Смотри, какая девочка в соседнем купе! Деловая колбаса! Как раз для тебя!..

— Ромик, есть будешь?.. Тогда — спать! Спать пора! Раздевайтесь! Кристи, спать, сказала! Але-гоп на полку! Ты почему поешь? Кристи, ну-ка, давай спи! Спать! Кому сказала — спать! Ты по-русски понимаешь? Не будешь спать — выброшу в окно!.. Спать! Ты меня понял? Бай!

Наконец наступает тишина: мама засыпает. Кристи поет.

Редакция альманаха «Русский миръ» выражает глубокую признательность и искреннюю благодарность коллективу журнала «LiteraruS – Литературное слово» и лично издателю и главному редактору журнала Людмиле Коль за предоставленные материалы и сотрудничество с альманахом.

Приглашаем другие периодические издания ближнего и дальнего зарубежья, публикуемые на русском языке и разделяющие концепцию альманаха, принять участие в совместных проектах.